

ПРОГРЕССОР СТРУГАЦКИЙ — В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

АРБИТМАН Роман Эмильевич,
писатель

DOI: 10.7868/50044394820120063

В 2020 году Аркадию Стругацкому – старшему из двух братьев – исполнилось бы 95 лет. Аркадий Натанович был замечательным переводчиком, чутким редактором, вдумчивым рецензентом (он помог публикации многих достойных авторов), но прежде всего он был, конечно, прекрасным писателем. Книги, написанные им вместе с Борисом Натановичем, продолжают регулярно переиздаваться, о них спорят, а это значит, что произведения эти по-прежнему современны (хотя не-

Аркадий Натанович
Стругацкий. Фотография из
архива официального сайта
<http://www.rusf.ru/abs/>

которые из них созданы еще полвека назад). Когда Аркадия Натановича не стало, «двуединый» писатель-фантаст ушел от нас – и одновременно остался: братья Стругацкие стали частью истории советской литературы второй половины XX столетия, не утратив популярности. И поскольку мир Стругацких был рожден воображением авторов в годы расцвета советской цивилизации и достиг зрелости в час небывало яркого ее заката, он – еще и призма, магический кристалл, с помощью которых иные поколения могут наблюдать «ушедшую натуру». В любом случае забвение книг Стругацких явно не грозит. Дон Румата Эсторский, Саша Привалов, Иван Жилин, Максим Камерер, Перец с Кандидом – эти и им подобные персонажи появились своевременно и, надо полагать, уйдут в тень еще очень и очень нескоро.

Чтобы лучше понять Стругацких сегодня, попробуйте читать их в хронологическом порядке – от первых, еще ученических рассказов до позднейшего «Града Обреченного», – и вы станете свидетелями уникального процесса их эволюции, творческой и человеческой: от искренних адептов светлого коммунистического будущего (время «Страны Багровых туч» и «Стажеров»), до мудрых и печальных реалистов (время «За миллиард лет до конца света» и «Гадких лебедей»). Космические приключения уступали место земным пробле-

мам, прекрасный «полдень XXII века» становился лишь литературным антуражем, а каждый следующий роман все труднее преодолевал редакторское и цензорское сито. Знаете, сколько времени занял путь от журнальной версии одного из самых известных романов Стругацких «Пикник на обочине» до отдельного книжного издания? Восемь лет. Плюс «двести унижительных исправлений текста» (цитируя воспоминания Бориса Стругацкого).

Уже к концу 60-х гг. братья Стругацкие расстались с иллюзиями. Они осознали, что «нами управляют жлобы и враги культуры» и что мир Полудня – недостижимая утопия. Став старше и многое поняв на собственном горьком опыте, писатели постарались честно, не роняя себя, продолжать существовать в заданных условиях и выжимать максимум из тех очень

немногих степеней свободы, которые им в данный момент предоставляло Гомеостатическое Мироздание. Хотя у Стругацких больше не было иллюзий, они не стали циниками. Их героям окружающий мир по-прежнему безразличен, вот только хэппи-энд в их историях уже нет, и даже у победы добра над злом вдруг окажется терпкий привкус поражения. Временно, впрочем. Борьба Хаоса с Космосом никогда не кончается, так устроен мир.

Фантасты – не пророки, они не ставят своей целью предсказать какую-то конкретику, но им по плечу точно обозначить место Человека на Земле, а Земли – во Вселенной. И если в их книгах наша планета для иных цивилизаций может выглядеть «обочиной», это – не выражение пессимизма, но, прежде всего, метафора: разум гуляет, где хочет, впереди – миллиарды лет, и мы еще успеем переместиться с периферии обитаемого космоса. Было бы желание. В конце концов, придуманная писателями теория «вертикального прогресса» когда-нибудь может оказаться не такой уж фантастической.

Художественные открытия Стругацких, ставшие поворотными в развитии жанра отечественной научно-фантастической литературы, уже вписаны в анналы: тут и перенос смыслового акцента с машинерии на героев, и ломка стереотипов господствовавшей прежде «фантастики ближнего прицела», с проблем технологических – на проблемы этические; тут и подкоп под железобетонную ограду узко понятой «научности» жанра, и дерзкое сочетание традиционной *science fiction* с сатирой, памфлетом, детективом, сказкой; тут и конструирование целой Вселенной с уже знакомыми персонажами, «мерцающими» в каждой вещи; тут и грамотный сплав ненатужного интеллектуализма с *action*, и провокативность открытых финалов...

Разумеется, Стругацкие были в первую очередь писателями, которые умели главное – рассказать историю так, что читать ее было интересно. Все дело в том, что с конца 50-х и вплоть до се-

редины 80-х гг. XX века фантастика в СССР играла особую роль. Оставаясь как бы на периферии литературного процесса, она долгое время – вплоть до полного сворачивания процессов «оттепели» в конце 60-х (а отчасти и позднее) – была не в фокусе внимания наиболее бдительных советских идеологов. То есть да, время от времени волны вскипали, и тогда, например, появлялась разоблачительная статья академика Францева в «Известиях» (о тех же Стругацких), но все же фантастику по инерции считали «неглавной» литературой, развлекательной, ставили ее на одну полку с детской, детективной и проч. Это позволяло фантастике «замещать» то, чего у нас просто не могло существовать – от социальной прогностики до социальной сатиры. Конструируя фантастические миры, Стругацкие легко заходили в «смежные» области, в конце концов, выработали особую манеру: всякая история, ими рассказанная, несла и дополнительные смыслы. Иногда их «меседж» был явным, иногда подспудным, однако любитель фантастики был умен и умел читать между строк...

Так что же из наследия Стругацких воздействует на читателя первой половины XXI столетия? Как мне кажется, многое. И сегодня наука стоит бастионом на пути мракобесия. Человек Познающий по-прежнему борется с Человеком Зашоренным. Книги Стругацких помогают существовать свободным людям, даже если они оказались в несвободном мире, и противостоять – пусть и личным примером – сознательному оглуплению этого мира. Сегодня, когда телевышки все больше начинают походить на башни-излучатели из «Обитаемого острова», а пропагандисты в штатском «дурака лелеют, дурака заботливо возвращивают, дурака удобряют» (цитирую «Хищные вещи века»), социальная, «антитоталитарная» фантастика Стругацких так же актуальна, как и полвека назад. Возможно, в грядущем на первый план выйдут какие-то иные составляющие наследия писателей. Если доживем – проверим.